

Когда Лю Чжэньцин сел в повозку, которую раздобыл Мо Ци, он уже успел взять себя в руки.

Дошедшие до него новости подтверждали худшие опасения: сегодня раскрыли дело о злоупотреблениях на императорских экзаменах. Схема мошенничества оказалась именно такой, какой её себе и представлял Чжэньцин. Главными действующими лицами выступали чиновники Министерства ритуалов и Жун Шимин, а за их спинами, вполне возможно, маячила фигура Великой принцессы. Больше всего поражало то, что в заговор оказалась впутана семья Лю — это никак не укладывалось в голове. Тем не менее Мо Ци уже разузнал у Парчовой стражи: всех домочадцев Лю под конвоем отправили в Небесную тюрьму, в Императорской столице объявили осадное положение, а наставников из причастных академий и замешанных в мошенничестве ученых мужей бросили за решётку до завершения следствия. Сам Лю Чжэньцин чудом остался на свободе, став единственной рыбой, выскользнувшей из сети.

По правде говоря, он всей душой стремился поскорее покинуть эти места, не желая ввязываться в новые неприятности. Ему не хотелось встречаться ни с кем из своего прошлого. Но теперь, стоило ему лишиться покровительства Хо Фэнле, как за ним тут же явятся ищейки из Парчовой стражи, обыскивающие каждый закоулок Императорской столицы.

А если попадёшь в Небесную тюрьму, твоя жизнь окажется в чужих руках.

Поэтому, даже если Чжэньцин противился этому всей душой, ему оставалось лишь уступить и вернуться вместе с Хо Фэнле в его поместье, чтобы затаиться там до тех пор, пока всё не прояснится.

Лю Чжэньцин искоса взглянул на сидевшего рядом Хо Фэнле.

Тот с самого начала пути сидел неподвижно, закрыв глаза и сосредоточенно направляя внутреннюю ци для восстановления сил. Чжэньцин не владел боевыми искусствами и плохо разбирался в подобных тонкостях, но, вспомнив недавнее странное состояние генерала, пришёл к выводу, что тот действительно серьёзно занемог.

Выходит, преодолевая недуг, он бросился к нему на выручку?

В поведении Хо Фэнле сквозило какое-то труднообъяснимое, странное упрямство.

За этими мыслями время пролетело незаметно. Чувствуя, что они уже подъезжают к генеральскому поместью, Чжэньцин невольно занервничал. Он подался вперёд, собираясь приоткрыть занавеску и выглянуть наружу.

Но стоило ему пошевелиться, как чья-то крепкая хватка вновь сомкнулась на его предплечье.

Лю Чжэньцин обернулся.

«Да этот Эрдогу, похоже, вошёл во вкус», — мысленно усмехнулся он.

— Куда ты? — спросил Хо Фэнле.

Лю Чжэньцин лишился дара речи. Повозка мчалась во весь опор — куда он, по мнению генерала, мог деться? Выпрыгнуть на ходу?

Осознав, видимо, всю нелепость своего вопроса, Хо Фэнле на мгновение замялся и тут же разжал пальцы.

Лю Чжэньцин кашлянул, спеша перевести разговор на другую тему:

— Генерал Хо... как ваше самочувствие?

— Старая рана. Пустяки, — отозвался тот.

Пожалуй, именно таким Чжэньцин и представлял себе повзрослевшего Эрдогу. Тот, из тёмного переулка, казался слишком уж чужим и пугающим.

— Генерал Хо, я безмерно благодарен вам за помощь, однако у меня есть один вопрос...

— Спрашивай.

Лю Чжэньцин слегка прищурился, пытаясь уловить малейшие изменения в выражении лица собеседника:

— Укрывательство преступника — дело нешуточное. Даже при всём том безграничном доверии, которым вас осыпает государь, не стоило так рисковать. К чему проявлять такое рвение ради меня? Моя скромная услуга вашим племянникам явно не заслуживает столь щедрой платы.

Что это? Тайный умысел или просто редкое благородство?

— Семья Хо всегда платит по счетам, — с обезоруживающей прямоотой ответил Хо Фэнле. — Пока я не вывезу тебя из города в целости и сохранности, долг не будет возвращён.

«Серьёзно? Не шутит?»

У Лю Чжэньцина дрогнул уголок рта. Разгадать намерения генерала не получалось, да и других причин для столь великодушного спасения он придумать не мог. Что ж, придётся принять это объяснение за чистую монету. Но если Хо Фэнле и правда руководствовался

исключительно долгом чести, то с годами этот сорванец стал на редкость упрямым идеалистом. Даже его покойный старший брат, Хо Фэйхань, никогда не отличался подобным простодушием.

Попадись этот праведник ему в прежние времена, Чжэньцин обобрал бы его до нитки.

— Ну и ну, генерал Хо... — Лю Чжэньцин отвернулся, тихонько ворча себе под нос: — Окажись на моём месте какой-нибудь проходимец, вы бы горько пожалели о своей щедрости.

Он не заметил, как в суровом взгляде Хо Фэнле на миг промелькнула едва уловимая теплота.

Повозка плавно замедлила ход и остановилась. Сердце Лю Чжэньцина пропустило удар, а лицо напряглось.

Хо Фэнле не торопил гостя, терпеливо ожидая в полумраке.

Лишь когда снаружи раздался негромкий голос Мо Ци, Чжэньцин плотнее запахнул плащ, пряча лицо под глубоким капюшоном — раз уж приходится скрываться, не стоит пренебрегать осторожностью.

Они сошли на землю, и перед глазами Чжэньцина предстала до боли знакомая картина: высокая каменная лестница, массивные алые ворота и императорская табличка с выведенными сусальным золотом иероглифами «Генеральское поместье». Даже два каменных льва у входа, казалось, ничуть не изменились за прошедшие годы.

У ворот в окружении слуг переминался с ноги на ногу хмурый, озабоченный старик.

При виде него Лю Чжэньцин на миг лишился дара речи, точно перенёсся на добрых пятнадцать лет назад, когда они с Хо Фэйханем, увлечшись очередной проказой, возвращались затемно и неизбежно попадались на глаза грозному надзирателю.

Этим хранителем очага был верный управляющий семьи Хо — дядя Тянь.

В памяти Чжэньцина он остался всё тем же: почтенные годы почти не коснулись его, а уж знаменитая косичка, в которую была заплетена его борода, оставалась визитной карточкой старика.

Вообще-то выглядело это довольно чинно, но стоило Чжэньцину вспомнить, откуда взялась эта диковинная причёска на лице управляющего, как его одновременно охватывали стыд и сдавленный смех.

В былые времена дядя Тянь души не чаял в своей бороде. Он холил её и лелеял, расчёсывая до

шёлкового блеска, так что даже столичные девицы завидовали её идеальной гладкости. Для него не было ничего важнее этой роскоши — он расчёсывал её гребешком раз по восемь в день. Ровно до тех пор, пока на неё не положил глаз юный Лю Чжэньцин.

Хотя Чжэньцин и был пришельцем из другого мира, начав новую жизнь с малых лет, он сполна наверстал упущенные в прошлой жизни капризы, шалости и бунтарство. Твёрдо вознамерившись прожить её ярко, свободно и без оглядки на чужое мнение, он порой творил сущие глупости. Чжэньцин то и дело подбивал Хо Фэйханя на очередную авантюру, из-за чего в глазах благочестивого дяди Тяня прослыл отпетым хулиганом, дурно влияющим на молодого господина. Старик взял на себя роль соглядата, зорко следил за обоими сорванцами и постоянно бегал жаловаться старшим.

Это порядком утомляло друзей. И тогда Лю Чжэньцин решился на отчаянное коварство. Дождавшись, пока старик устроится на полуденный сон, он применил все свои познания о современной химической завивке и завил несчастную бороду крутыми волнами.

Дядя Тянь едва не лишился рассудка от ярости. Лю Чжэньцин как зачинщик и Хо Фэйхань как соучастник получили тогда суровое наказание.

Все думали, что со временем волоски отрастут и выпрямятся, но случилось непредвиденное: новая борода упорно росла кудрявой. Бедному управляющему ничего не оставалось, кроме как скрепя сердце заплетать непослушные кудри в косички. Неожиданно для всех он стал законодателем моды среди зрелых мужей столицы, но самого дядю Тяня это ничуть не радовало — от переживаний он исхудал вдвое. Чжэньцину и Фэйханю стало совестно, они принесли искренние извинения, а Чжэньцин даже вызвался как-нибудь распрямить кудри обратно, но перепуганный старик больше на пушечный выстрел не подпускал никого к своему сокровищу.

И вот теперь, глядя на аккуратные косички, перевязанные разноцветными шёлковыми нитями, Лю Чжэньцин понял, что старик со временем всё же примирился с судьбой и даже нашёл в этом особое очарование.

Тёплые воспоминания немного уняли тревогу, сковавшую грудь Чжэньцина.

Как говорится, слуга знатного дома сам себе господин. Статус управляющего при столь могущественном ведомстве был весьма высок. И всё же, заведя приближающегося Хо Фэнле в сопровождении таинственного попутчика, дядя Тянь поспешил навстречу и почтительно поклонился. Когда до него дошло, кто именно скрывается под капюшоном, старик изумился, но сохранил безупречную вежливость.

Дядя Тянь, без сомнения, помнил прежнего Лю Сяочжу. Как рассказывал Цзиньли, его прежний хозяин в попытках добиться расположения генерала не раз обивал пороги этого дома. Наверняка управляющий запомнил настырного юношу не с лучшей стороны. Однако после спасения близнецов старик сменил гнев на милость, даже лично отправлял целебные снадобья, что и объясняло его нынешнее радушие.

Впрочем, сейчас всё внимание дяди Тяня было приковано к Хо Фэнле. Убедившись, что генерал держится уверенно, он облегчённо вздохнул и, ведя гостей внутрь, принялся расспрашивать о случившемся.

Выслушав сбивчивый рассказ о происшествии на улице, управляющий на мгновение переменился в лице, однако перечить воле молодого хозяина не посмел. Он лишь учтиво спросил:

— В каких покоях прикажете разместить молодого господина Лю?

— В Дворике Снежного Пуха, — коротко бросил Хо Фэнле.

При этих словах дядя Тянь так и застыл на месте. Косички на его бороде мелко затряслись от волнения:

— В Дворике Снежного Пуха?! Но... господин, этот двор давно не принимает гостей, там толком не прибрано... К тому же...

Лю Чжэньцин прекрасно понимал замешательство старика, ведь у него самого при упоминании этого места перехватило дыхание.

Когда-то Дворик Снежного Пуха служил одной из гостевых усадеб поместья Хо. Изящный, уединённый уголок выбивался из строгого воинского стиля усадьбы; обычно там селили близких друзей дома из числа утончённых книжников. Позже, когда Чжэньцин сошёлся с Хо Фэйханем, этот двор сделался его личным пристанищем, где он оставался ночевать или просто отдыхал от столичной суеты. Со временем посторонних туда пускать перестали.

Чжэньцин полагал, что после его трагической гибели разгневанные хозяева если и не сровняли постройку с землёй, то уж точно сменили название, чтобы избавить поместье от дурного предзнаменования. Но дворик уцелел, да ещё и распахнул двери перед очередным отпрыском рода Лю. Немудрено, что дядя Тянь заподозрил неладное — не решил ли молодой хозяин изощёрённо поиздеваться над гостем?

В душе Чжэньцина бушевал ураган сомнений. Зачем Хо Фэнле принял такое решение? Впрочем, простодушный Лю Сяочжу не мог знать предыстории этих мест, так что Чжэньцину пришлось изо всех сил разыгрывать равнодушие.

— Господин, это как-то неправильно... Может, выберем другие покои? — Хотя воля Хо Фэнле всегда оставалась непреклонным законом, на этот раз старик всё же попытался возразить.

— Туда никто не посмеет заглянуть. Меньше праздных глаз — меньше слухов. Там безопасно, — ровным голосом ответил Хо Фэнле, словно речь шла об обычном служебном поручении.

В самом деле, укрыть беглеца в столь уединённом месте было разумно. Хотя долго хранить тайну вряд ли удастся, лишняя осторожность не помешает. Лю Чжэньцин решил довериться этому доводу — на бесстрастном лице генерала не читалось и тени коварства.

Тем не менее дядя Тянь выглядел крайне озабоченным и то и дело бросал на Чжэньцина вороватые взгляды.

Лишь заметив, что привычные тропинки ведут совсем в другую сторону, Чжэньцин понял: планировку усадьбы основательно перекроили.

Прежде Дворик Снежного Пуха соседствовал с личными покоями Хо Фэнле. Теперь же разделительную стену снесли, объединив оба владения просторным садом с изысканным ландшафтом. Получилось единое пространство с двумя жилыми крылами. Прежние ворота Дворика теперь выходили во внутренний сад, из-за чего он оказался скрыт от посторонних глаз в глубине личной территории генерала.

Чжэньцин мысленно усмехнулся собственной мнительности. Какая разница, где его поселят? Если хозяева великодушно закрыли глаза на его происхождение, глупо искать скрытый смысл в выборе комнат. Очевидно, Хо Фэнле просто расширил свои владения, а пустующие постройки приспособил под новые нужды.

Выходит, дядя Тянь тревожился вовсе не из-за призраков прошлого, а из-за нарушения приличий?

Пусть дворик и пустовал, находясь поодаль, но теперь он фактически являлся частью покоев главы дома. Селить туда постороннего мужчину было верхом неприличия. Но суровому воину, привыкшему к спартанскому походному быту, дела не было до светских условностей, так что все предостережения управляющего пропали втуне.

Минуя объединённый сад, Лю Чжэньцин мимолётно осмотрелся. Пространство обустроили с размахом и вкусом: здесь нашлось место и для тренировок с оружием, и для уединённого созерцания природы. Наверняка, затеяв перестройку, хозяева надеялись, что вскоре молодой генерал приведёт в дом супругу, и эти тенистые аллеи наполнятся детским смехом.

Кто бы мог подумать, что первым жильцом обновлённой усадьбы станет ветреник, некогда громогласно домогавшийся внимания Хо Фэнле? Поползи по столице такие слухи, репутация бедного Эрдоу будет окончательно погублена.

Чжэньцин едва сдержал улыбку. Что ж, винить тут некого — генерал сам вырыл себе эту яму.

Посреди весёлых размышлений перед ним возник знакомый резной проём, и улыбка Чжэньцина мгновенно увяла, сменившись горьким вздохом.

Он и подумать не мог, что когда-нибудь вновь переступит этот порог. В прежней жизни он проводил здесь едва ли не больше времени, чем в собственном поместье или в стенах Императорской академии.

Сделав несколько шагов под сень Дворика Снежного Пуха, Лю Чжэньцин замер от изумления. Здесь не чувствовалось живого тепла, но в остальном обстановка осталась неизменной. Вопреки словам дяди Тяня о запустении, комнаты сияли чистотой, кустарники в саду были аккуратно подстрижены, а распахнутые окна впускали свежий воздух. Солнечные лучи мягко ложились на старинную мебель и привычные безделушки.

На мгновение Чжэньцину показалось, будто он видит сон наяву.

— Дядя Тянь, позаботься о госте, — раздался за спиной глухой голос генерала.

Лю Чжэньцин очнулся от созерцания и обернулся. Хо Фэнле смотрел прямо на него:

— Молодой господин Лю, устраивайтесь поудобнее. Я разужнаю, что творится в городе.

Чжэньцин вежливо поклонился в знак признательности. Как только шаги генерала стихли, управляющий тут же хлопотал вокруг гостя.

После уличной потасовки Чжэньцин выглядел изрядно потрепанным. Дядя Тянь незамедлительно приставил к нему двоих самых преданных слуг, велел нагреть воды для купания, принести чистые одежды и заварить крепкий чай, чтобы унять дрожь. В этой части поместья действительно царила мёртвая тишина — слуги без надобности не смели нарушать покой господина, что гарантировало полную тайну.

Когда с омовением и переодеванием было покончено, дядя Тянь остался в покоях, стараясь развлечь гостя беседой. Однако на деле они были чужими друг другу людьми. Перед управляющим сидел юнец, лишившийся памяти, который ещё недавно безуспешно домогался генерала, да к тому же происходил из опального рода Лю. Даже для умудрённого опытом старика этот разговор походил на прогулку по минному полю — любое неосторожное слово могло обернуться бедой.

При виде страдальческой мины дяди Тяня, у которого то и дело забавно подёргивались косички в бороде, Чжэньцин едва сдерживал смех.

Он давно перестал вслушиваться в натянутые речи старика, заворожённо разглядывая его завитую бороду.

«Неужто и правда так и не выпрямилась?»

Почувствовав на себе пристальный, изучающий взгляд гостя, управляющий внезапно ощутил,

как по спине пробежал холодок. Он невольно коснулся своей бороды, негромко кашлянул и поспешил сменить тему:

— Молодой господин Лю, мы бесконечно благодарны вам за спасение юной госпожи и молодого барина. Располагайтесь как дома. Если вам что-то понадобится, только скажите, мы расшибёмся в лепёшку.

Лю Чжэньцин лишь отмахнулся от заверений в покорности и спросил о здоровье детей.

Дядя Тянь приятно удивился такой заботе:

— Об озорниках не беспокойтесь. За самовольную отлучку и безрассудство, едва не стоившее им жизни, они сурово наказаны и теперь сидят под замком.

«Ну конечно, — мысленно усмехнулся Чжэньцин, — стоят на коленях в поминальном храме да переписывают трактаты по военному искусству». В семье Хо спокон веков не знали иных наказаний. В юности Хо Фэйхань частенько попадал в немилость, и тогда они с Ли Синжо крадучись пробирались к нему, чтобы скрасить долгие часы заточения.

Традиции предков нерушимы.

Чжэньцин предпочёл умолчать о том, что в недавней заварушке была и его доля вины, и важно кивнул:

— Малы ещё, а туда же — вершить справедливость кулаками, едва научившись держать деревянный меч. Пусть посидят под замком, ума-разума наберутся.

Дядя Тянь не счёл эти слова дерзостью. Он сразу почуял, что юноша говорит это без лукавства, искренне переживая за детей, а не пытаясь выслужиться перед хозяевами.

Старик добродушно улыбнулся:

— Им позволено покидать комнаты лишь на один час в день, иначе они давно прибежали бы навестить вас. К слову, Госпожа Хо сейчас в отъезде — врачует недуги бедняков в окрестных деревнях. Как только она вернется, непременно поспешит выразить вам признательность за спасение ребят.

При этих словах Лю Чжэньцин внутренне похолодел. Будь Ли Синжо сейчас дома, он вряд ли отважился бы переступить порог этого поместья.

Нужно во что бы то ни стало распутать это дело и бежать из Императорской столицы до её возвращения. Слишком опасно находиться рядом с той, кто знала тебя как облупленного —

перед ней никакая маска не устоит.

Чжэньцин всегда верил, что в этом мире лишь двое способны разглядеть его истинную сущность за чужим обликом: покойный Хо Фэйхань и Ли Синжо. Слишком крепко сплелись когда-то их судьбы.

Сумерки сгустились над поместьем, но Хо Фэнле так и не вернулся. Чжэньцин попросил оставить его одного, сославшись на усталость, и дядя Тянь, решив, что гость сокрушается о судьбе опальной родни, почтительно удалился.

Раздался негромкий скрип — Чжэньцин распахнул створку окна. Взгляду открылся тихий ночной сад. Ночной пейзаж казался сошедшим со старого свитка, безжалостно срывая печать с сундука его памяти.

Ему едва исполнилось десять, когда он очутился в этом теле. Вскоре престарелый отец-маркиз отправил его постигать науки в Императорскую академию, где судьба свела его с Хо Фэйханем и Ли Синжо. Наследник знатного рода, отпрыск прославленного маршала и дочь придворного лекаря — все трое принадлежали к высшему обществу, но поначалу почти не общались. Военскому ремеслу и книжной премудрости редко случалось пересекаться в одних классах, к тому же Ли Синжо была девушкой, что лишь увеличивало дискомфорт между ними.

Сблизила их, как ни странно, судьба крошечного Эрдоу.

В те годы в академии временно гостил прославленный божественный лекарь Великой Чжоу. Семья Ли, мечтавшая пристроить дочь в ученицы к столь великому мужу, поспешила представить её мастеру. Самому Чжэньцину до этого не должно было быть дела, однако, верно говорят, судьба любит шутить: случайно повстречав старика на горных склонах за сбором трав, Чжэньцин возьми да и блесни обрывками познаний из медицины своего прежнего мира. Старец пришёл в неистовый восторг, разглядев в мальчишке величайший талант, какого Поднебесная не видывала веками. Он тут же изъявил желание взять его в ученики. Чжэньцин отнекивался как мог, но лекарь и старый маркиз быстро сошлись во мнениях, и бедному юноше пришлось уступить, скрепя сердце согласившись на учение.

Ли Синжо, чьё дарование действительно граничило с гениальностью, тоже приняли в ученицы. Так Чжэньцин нежданно-негаданно сделался её старшим соучеником. Девочка тогда волком на него смотрела, считая самозванцем. Дети и не догадывались, что эта нелепая история положит начало дружбе двух семей: изрядно перебрав на хмельном пиру, отцы со смехом сговорились поженить наследников, когда те подрастут.

Оставим за скобками то, как горько пожалел учитель, осознав, какого профана взял на свою голову. Но именно тогда произошло несчастье: беременная супруга генерала Хо прибыла в академию навестить старшего сына Фэйханя, как вдруг у неё начались преждевременные роды. Схватки оказались на редкость тяжёлыми. Хотя на свет и появился слабенький Эрдоу, жизнь матери и младенца висела на волоске. Учитель бросился спасать угасающую женщину, чьё состояние внушало наибольшие опасения, а новорождённого кроху доверили местному

лекарю. Тот был самым обычным лекарем средней руки, привыкшим лечить разве что простуду да ушибы, и совершенно не представлял, что делать со слабеющим младенцем.

Двое новоиспечённых учеников ждали снаружи, стараясь приободрить безутешного Хо Фэйханя. Наконец лекарь вынес бездыханное тельце, завернутое в пелёнки, и, пряча глаза, прошептал, что пуповина обвила шею младенца при родах и тот задохнулся — помочь уже ничем нельзя.

В тот день Лю Чжэньцин и Ли Синжо впервые увидели, как статный, гордый Хо Фэйхань рыдает навзрыд, прижимая к себе крошечного брата.

Ли Синжо, никогда не пасовавшая перед трудностями, решительно вырвала свёрток из рук растерянного лекаря. Задыхаясь от волнения, она принялась одну за другой вонзать тонкие иглы в жизненно важные точки крохи, стремясь вернуть тепло в остывающее тело. Но младенец оставался недвижимым, и по щекам девочки покатались первые слёзы отчаяния.

Глядя на несчастное дитя, Чжэньцин почувствовал, как сжалось его собственное сердце. Ему казалось невозможным, чтобы эта едва зародившаяся жизнь угасла так просто. Поддавшись безумному порыву, он забрал ребёнка у плачущей соученицы и принялся за дело. Невзирая на крики и попытки окружающих оттащить его, он уложил кроху на стол и начал делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца, как учили в его прежнем мире. Он не знал, правильно ли действует и не вредит ли хрупким косточкам, но упрямо продолжал раз за разом вдыхать воздух и осторожно давить на крохотную грудную клетку. Разум шептал, что всё напрасно, но упрямое сердце требовало верить в чудо.

И когда у самого Чжэньцина уже помутилось в глазах от усталости, Ли Синжо вдруг пронзительно вскрикнула:

— Он дышит! Дышит!

В ту же секунду двери покоев распахнулись, и на пороге показался изнурённый учитель.

Так Эрдгоу вернулся с того света.

Пережитое горе и радость спасения сплотили троицу крепче любых клятв.

Лю Чжэньцин поначалу сомневался, что уживётся с детьми — всё же в душе он был куда старше их, но случай помог им сблизиться. То была история с бесчинством малолетних задир в стенах академии. Один из богатеньких учеников, кичась высоким происхождением, жестоко оболгал и избил сироту. Хо Фэйхань, не терпящий несправедливости, тут же полез на защиту с кулаками, Чжэньцин ловко разложил по полочкам ложь обидчика, а Ли Синжо раздобыла неопровержимые доказательства. Слаженная работа троих сорванцов не оставила от обвинений спесивого барчука камня на камне. Осознав, что они сделаны из одного теста, молодые люди сделались неразлучны.

Окружающие в один голос твердили, что у Чжэньцина и Синжо характер скверный да со странностями, и лишь Хо Фэйхань казался приличным человеком. На деле же благоразумием не отличался никто из них: проказничали все вместе, а отдуваться перед старшими приходилось Фэйханю как старшему в компании. При всём том каждый из них блистал исключительными дарованиями в своей науке, наводя ужас на почтенных академиков.

То было благословенное время беззаботной юности, упоения свободой и верой в собственные силы. Им казалось, что перед ними открыт весь мир и нет преграды, которую они не смогли бы преодолеть. Они ещё не ведали истинного горя, пока не грянул переворот, пошатнувший устои Великой Чжоу. Преждевременная гибель государя, которому они беззаветно преданно служили, ввергла империю в пучину смут. Внутренние распри, набеги кочевников и безжалостные интриги у престола заставили вчерашних юнцов повзрослеть в одночасье. Жизнь обтесала их острые углы, растоптала былые иллюзии, а непосильное бремя забот о судьбе государства выжгло в их душах озорной огонь. Они горели ярко и стремительно, точно факелы на ветру, растрачивая жизненные силы до последнего вздоха... Подумать только, ведь ни он, ни Хо Фэйхань не перешагнули даже тридцатилетнего рубежа.

Лю Чжэньцин опустился на постель и усталился в потолок. Кровать... казалась всё той же, на которой они когда-то допоздна шептались о будущем. В этих стенах хранились как крупницы беззаботного счастья, так и воспоминания о самых чёрных днях его жизни. В последние годы перед кончиной, израненный душой и телом после бесконечных покушений, он находил приют лишь здесь, под присмотром преданной названной сестры — доверять в столице больше было некому. Позже эти частые визиты злые языки превратили в грязные сплетни, обвинив его в домогательствах к супруге покойного друга. И всё же это место всегда оставалось для него тихой гаванью, единственным уголком, где измученный разум обретал долгожданный покой.

Чжэньцин думал, что тревожные мысли прогонят сон, однако стоило ему задуть свечу, как усталость взяла своё, и вскоре в комнате воцарилось его ровное, глубокое дыхание.

В покоях было тепло, но не душно. Чжэньцин никогда не отличался покладистым нравом во сне: разметавшись на ложе, он небрежным движением руки сбросил одеяло на пол.

Спустя какое-то время за дверью послышался едва различимый шорох. Лунный свет, заливавший комнату, на мгновение померк, и в покои скользнула струя ночной прохлады.

Чья-то ладонь бережно подобрала упавшее одеяло. Незнакомец замер у изголовья постели, разглядывая спящего. На его суровом лице проступила едва заметная улыбка, прогнавшая остатки ночной стужи.

Хо Фэнле тихо присел на край ложа и аккуратно укрыл Чжэньцина, прижав края одеяла ладонями. Спящий недовольно наморщил нос, устраиваясь поудобнее, но генерал не спешил убирать руки, не отрывая взгляда от безмятежного лица.

Вдруг Хо Фэнле медленно подался вперёд, склонившись так близко, что его щёк коснулось чужое тёплое дыхание.

В тишине комнаты прозвучал едва слышный, исполненный робкой надежды шёпот:

— Цин-гэ...

В ответ спящий лишь сонно и неразборчиво пробормотал:

— М-м?

<http://bllate.org/book/20542/2181633>